

Критическая монадология П.Е. Астафьева

Бердникова Александра Юрьевна

Аспирант

Московский государственный университет имени М.В.Ломоносова, Философский факультет, Кафедра истории русской философии, Москва, Россия

E-mail: alexser015@yandex.ru

П.Е. Астафьев (1846-1893 гг.) - русский мыслитель, имя которого в нынешнее время не пользуется особой известностью, «это “маленький человек” русской философии, мыслитель “второго ряда”» (7, 49) (по сравнению с теми же Бердяевым, Соловьевым, Франком и др.). Тем не менее, его заслуги нельзя приуменьшать: он был профессором философии, принимал активное участие в работе Московского психологического общества и издании журнала «Вопросы философии и психологии», имел широкий круг интересов (от полемики с Соловьевым по поводу национального вопроса до анализа психического мира женщины) (3, 12).

В плане своих взглядов Астафьев придерживался новой традиции, возникшей на рубеже XIX и XX веков в ответ на продолжительный успех позитивизма и материализма, которую некоторые исследователи (В.В. Зеньковский, С.М. Половинкин) именуют *неолейбницеанством*, другие же (в частности, М.А. Прасолов) - *метафизическим персонализмом*. Представители этой традиции (Е.А. Бобров, А.А. Козлов, Л.М. Лопатин, Н.О. Лосский, Н.В. Бугаев и др.) стремились найти для философии глубинные, метафизические основания и обращались ради этого к учению Лейбница о монадах: «Лозунгом будущего поколения метафизиков, легко возможно, станет не “Назад, к Канту!”, а “Назад, к Лейбницу!”» (2, 40).

Для Астафьева, как и для других персоналистов, главным объектом исследования является личность, причем личность психическая, рассмотренная с позиций ее внутреннего, духовного опыта. В связи с этим он строит свой вариант *критической монадологии* (которую сам мыслитель именовал также *спиритуализмом*), усматривая ее суть в «познании субъекта, сознания, воли, как истинно сущего, данного во внутреннем опыте» (1, 203). Монады, согласно учению Астафьева, являются «психическими существами» (1, 5).

В учении же самого Лейбница Астафьев критикует принцип предустановленной гармонии, согласно которому все монады «вовсе не имеют окон, через которые что-либо могло бы войти туда или оттуда выйти» (5, 412-413) и сообщаются друг с другом согласно раз и навсегда установленным Богом (как Высшей Монадой) законам. Главной проблемой, связанной с монадами, Астафьев видит вопрос их взаимодействия между собой, «прямо отрицаемого в монадологии Лейбница, и допускаемого эмпирически, как факт, но совершенно непонятого, необъяснимого, в новейших монадологиях» (1, 5). Это взаимодействие, согласно его учению, представляет собою диалектический процесс.

Для Астафьева монады не являются *субстанциальными единицами*, а представляют собой чистую *деятельность*: «Основным началом для него был дух - не как субстанция, а как «сама о себе знающая» духовная деятельность. Иными словами это можно выразить так, что деятельность была для него безразлично, или заразом, - и функцией, и ее субъектом...» (4, 122-123).

Рассматривая внутреннюю структуру монад, Астафьев выделяет у каждой из них *внутреннее тело*, которое есть «психически бессознательный организм привычек, автоматизированных работ сознающего себя субъекта» (1, 204); и внешнее, *периферийное тело*, «бессознательное и механическое» (Там же). Простые монады также могут образовывать

сложные иерархические комплексы, представляющие собой *диад*ы, *триады* и т.д. (6, 79). Так как монада в учении Астафьева представляет собой чистую деятельность, не имеющую под собой субстанциальной основы, то и степени совершенства монад зависят от количества их связей с другими монадами: «Та монада, душа. . . внутренняя жизнь которой совершается в наиболее глубоком и полном общении с наибольшим числом внутренних жизней других существ, монад, - душа, у которой наиболее любви и разума, - обладает и наибольшею суммою и силою жизни» (1, 206-207). Следовательно, весь мир представляет собой постоянно изменяющееся и находящееся в движении *единство монад*.

Другими словами, *критическая монадология* является ядром системы представлений Астафьева, которую в целом можно охарактеризовать как философию усилия личности, где каждый индивид, каждая монада, в отличие от оригинальной теории *предустановленной гармонии* Лейбница, принципиально открыт для взаимодействия и общения с другими индивидами (монадами). Мысль Астафьева, по меткому замечанию Л. Тихомирова, неразрывно связана с самой жизнью (в отличие от многих других мыслителей): «Он прямо отрекался от той старой философии, которая ничего не дает для жизни. Истинная философия должна освещать человеку жизнь, быть источником увлечения, идеала, помогать развитию личности» (8, 67).

Источники и литература

- 1) Астафьев П.Е. Вера и знание в единстве мировоззрения. Опыт начал классической монадологии. М.: 1893.
- 2) Бобров Е.А. Из истории критического индивидуализма. Казань: 1898.
- 3) Ильин Н. П. «Душа всего дороже. . . » О жизни и творчестве П. Е. Астафьева// Русское самосознание. № 1, 1994. С. 9-28.
- 4) Козлов А.А. П.Е. Астафьев как философ// Вопросы философии и психологии. Кн. 18, 1893. С. 122-126.
- 5) Лейбниц Г.В. Монадология /Пер. с франц. Е.Н. Боброва// Лейбниц Г.В. Сочинения в четырех томах: Т. I. М.: Мысль, 1982. С. 413-429.
- 6) Матвеев С.И. Философия усилия личности. Учение П.Е. Астафьева// Светоч и дневник писателя. 1913. № 5. С. 68-80.
- 7) Прасолов М.А. К последней достоверности: В.С.Соловьев и П.Е.Астафьев о субъекте как метафизическом принципе// Credo New. Теоретический журнал. — СПб., 2004. № 3. С. 49-59.
- 8) Тихомиров Л.А. П.Е. Астафьев (некролог)// Тихомиров Л. А. Критика демократии; Статьи из журнала «Русское обозрение» 1892-1897 гг. — М.: Москва, 1997. С. 67-68.